

Лили

Бланш погибла.

Иногда смерть становится благословением; думаю, так случилось и с Бланш. Когда-то она была жизнерадостной и одухотворенной — и я хочу запомнить ее такой. Моя память сохранила так много образов: как Бланш поет матросскую песню, удерживая на тыльной стороне руки бокал шампанского. Как учит проститутку танцевать чарльстон. Жалеет кого-то, кто этого не заслуживал. Упрямо отворачивается или топает ногами, как маленький ребенок. Отважно и глупо бросает вызов тем, с кем не стоило связываться.

Но мое самое яркое воспоминание относится к дню, когда я увидела ее впервые. В декорациях, которые подходили ей лучше всего. В отеле «Ритц». В ее любимом отеле «Ритц».

Бланш не было в «Ритце» в тот день 1940 года, когда нацисты вошли в Париж; она еще возвращалась домой с юга Франции. Но она рассказала мне все, что случилось тогда...

Как вначале до гостей и служащих отеля донеслось рычание танков и джипов; они вползли на огромную площадь и окружили колонну, с высоты которой с ужа-

сом озирали окрестности Наполеон. Потом по мостовым и тротуарам с металлическим лязгом застучали каблукы — все громче по мере того, как нацисты подходили ближе, ближе, ближе. Постояльцы заламывали руки и в панике переглядывались; некоторые кинулись к служебному входу. Но далеко они не ушли.

Мадам Ритц, хрупкая, элегантная, одетая в лучшее винтажное черное платье с талией «в рюмочку», ждала у входа в свой дом — самый величественный отель Парижа. Ее увешанные драгоценностями руки дрожали, когда она сцепила их перед собой. Несколько раз она бросила тревожный взгляд на огромный портрет покойного мужа, как будто он мог сказать, что делать дальше.

Некоторые из сотрудников были с ней и с ним с самого начала, с 1898 года. Они помнили, как эти двери открылись впервые. Блистательные, веселые гости вошли в шикарно украшенный зал — в новом отеле месье Ритца не было вестибюля; он не хотел, чтобы простолюдины замарали позолоченные двери. Глаза постояльцев были полны восхищения. Здесь собрались принцы, графини и богатейшие из богачей: Марсель Пруст, Сара Бернар. Когда заиграла музыка, зажглись люстры, а с кухни вынесли вереницу подносов с лучшими творениями Огюста Эскофье — меренгами с ванильным кремом, украшенными засахаренными лепестками лаванды и фиалки; турнедо «Россини»; разнообразными паштетами; даже персиковой мельбой в честь госпожи Нелли Мелбы, которая согласилась исполнить для гостей серенаду, — служащие отеля в последний раз поправили новую униформу и улыбнулись, горя желанием выполнять свою работу. Подносить, поднимать, подавать, полировать, вытирать пыль, мыть полы, нарезать, складывать, чинить. Ублажать. Успокаивать. Они в восторге от того, что стали частью этого гран-

диозного нового отеля, единственного в мире с ванными комнатами, телефонами в каждом номере и электричеством вместо газового освещения.

Отеля «Ритц» на Вандомской площади.

В тот роковой день 1940 года никто не улыбался. Некоторые не скрывали слез, когда немцы ворвались в парадные двери. Их пыльные черные ботинки оставили следы на шикарных коврах. Оружие угрожающе висело на плече или было спрятано в кобуру. Они не сняли шапки — имперские шапки с нашивками в виде орла. Их серо-зеленая, цвета фасоли униформа казалась уродливой и оскорбительной на фоне сверкающего золотом, мрамором и хрусталем коридора, шикарных гобеленов на стенах, царственной синевы покрытой ковром парадной лестницы.

Кроваво-красные повязки на руках — грозный черный паук свастики — заставили всех вздрогнуть.

Немцы были здесь. Это должно было случиться после того, как французская армия рассыпалась, как одно из прекрасных слоеных пирожных месье Эскофье. После того, как мощь линии Мажино оказалась детской иллюзией. Как британские союзники покинули Францию, в панике переправившись через Ла-Манш в Дюнкерк. Немцы были здесь. Во Франции, в Париже.

В отеле «Ритц» на Вандомской площади.

ГЛАВА 1

Бланш

Июнь 1940 года

Ее туфли.

В это трудно поверить, но она беспокоится о туфлях. Из всех вещей, которые должны были волновать эту женщину в тот страшный день, ее беспокоят только туфли.

Впрочем, учитывая, кто она и куда направляется, обувь действительно была проблемой. Грязная, покрытая комьями засохшей глины, со стертymi каблуками. Все, о чем она может думать, пока муж помогает ей сойти с поезда, — как отреагирует Коко Шанель, эта сука, когда увидит ее. Как все они отреагируют, когда она появится в «Ритце» в грязных, поношенных туфлях и рваных чулках, расползающихся на ее стройных икрах. Она ничего не может поделать с чулками — даже Бланш Аузелло не решится сменить чулки на лодыжках, — но отчаянно высматривает скамейку, чтобы порыться в чемоданах и найти другую пару туфель. Но прежде чем она успевает озвучить это пожелание, их с мужем подхватывает бурлящая разношерстная толпа — кто, черт возьми, все эти люди? Французы? Немцы? Беженцы? В нетерпении и ужасе они хлынули с Северного вокзала, чтобы узнать, что стало с Парижем в их отсутствие.

Бланш с мужем вливаются в этот поток голодранцев. Грязь и зола облепили их потные подбородки, локти и колени, залегли за ушами. Лица перепачканы сажей. Они не переодевались уже несколько дней. Клод упаковал свою капитанскую форму перед тем, как покинуть гарнизон. «Чтобы надеть ее снова, — уверял он Бланш или, скорее, самого себя, — когда мы опять перейдем в наступление. А мы обязательно это сделаем».

Но никто не знает, когда придет это время — и придет ли оно вообще. Особенно сейчас, когда нацисты захватили Францию.

Выйдя из здания вокзала, супруги наконец-то выбирают из толпы, пытаются отдышаться и собрать багаж, который вываливается из рук. Когда девять месяцев назад они паковали вещи, то понятия не имели, что уезжают так надолго. Аузелло по привычке высматривают такси, но его нет. Машин вообще нет; только одинокая повозка, запряженная самой грустной лошадью, какую доводилось видеть Бланш.

Клод смотрит на кобылу и качает головой. Она тяжело дышит. Из рта капает пена; ребра так выпирают, что кажется, будто вокруг них вырезана плоть.

— Это животное не доживет до завтра.

— Ты! — Бланш подходит к мужчине, сидящему на телеге. У него маленькие глазки и щербатая улыбка.

— Да, мадам? Десять франков. Десять, и я отвезу вас в любую точку Парижа! У меня единственная лошадь и телега в радиусе двадцати километров!

— Сейчас же распрягай лошадь. Ублюдок, она вот-вот упадет, ты разве не видишь? Ее нужно держать в конюшне, кормить.

— Чокнутая стерва, — бормочет мужик, потом вздыхает и показывает на улицу, кишашую пешеходами. — Ты что, не понимаешь? Нацисты забрали всех

здоровых животных. Эта кляча — единственное, чем я могу заработать на жизнь.

— Мне все равно. Я заплачу двадцать франков, если вы дадите этому животному немного полежать.

— Если она ляжет, то больше не встанет. — Мужчина бросает взгляд на лошадь, покачивающуюся на кривых ногах, и пожимает плечами. — Я думаю, она протянет еще три, может, четыре поездки. И сдохнет. Тогда и мне конец.

— Да я тебя своими руками...

Но Клод уже оттаскивает жену от бедного животного и его хозяина.

— Тише, Бланш, тише. Хватит. Нам нужно идти. Ты не можешь спасти всех несчастных в Париже, любовь моя. Особенно сейчас.

— Попробуй останови меня!

Но она позволяет мужу увести себя подальше от станции. Ведь Аузелло еще так далеко от своей главной цели — отеля «Ритц».

— Я бы телеграфировал, чтобы нас кто-нибудь встретил, — говорит Клод, вытирая лоб грязным носовым платком; потом смотрит на него и морщится. Муж Бланш жаждет чистого носового платка так же сильно, как она жаждет новых туфель. — Но...

Бланш кивает. Все телеграфные и телефонные линии, связывающие Париж с внешним миром, были перерезаны во время оккупации.

— Месье! Мадам! — Два предприимчивых парня предлагают донести чемоданы Аузелло за три франка. Клод соглашается, и они бредут за мальчишками по улицам города, обычно таким оживленным. Бланш невольно вспоминает, как впервые пыталась объехать вокруг Триумфальной арки. Столько полос, заполненных гудящими машинами! А сегодня она поражена полным отсутствием движения.

— Немцы конфискуют все машины, — высокий бледный парень со светлыми волосами и сломанным передним зубом заявляет это с самоуверенностью юнца, который наконец-то осведомлен лучше старших. — Для армии.

— Я бы лучше взорвал свою машину, чем отдал ее бошам, — бормочет Клод. С языка Бланш чуть не срывается напоминание, что у них нет машины. Но она вовремя останавливается; даже она понимает, что сейчас это лишнее.

Продвигаясь вперед, они чувствуют еще кое-что: тишину. Затих не только гомон ошеломленных горожан, вывалившихся из вокзала и растекающихся по городу, как грязная лужа. Смолкло все. Если в Париже и было что-то постоянное, так это разговоры. Кафе ломились от завсегдатаев, спорящих о цвете солнца. Тротуары были заполнены людьми, которые то и дело останавливались, чтобы что-то сказать, тыча пальцем в грудь собеседника. Обсуждали политику, крой костюма, лучший сырный магазин — тема не имела значения; она никогда не имела значения. Бланш слишком хорошо знает, как парижане любят поболтать.

Сегодня кафе пустыют. На тротуарах ни души. Нет шумных школьников в форме, играющих в садах. Нет торговцев, с песней толкающих свои тележки; нет лавочников, торгующихся с поставщиками.

Но Бланш чувствует на себе чьи-то взгляды. Несмотря на жаркий солнечный день, ее знобит; она берет мужа под локоть.

— Смотри! — шепчет он, указывая куда-то вверх. Бланш повинуется; в окнах под мансардными крышами она замечает людей, украдкой выглядывающих из-за кружевных занавесок. Переведя взгляд еще выше, она видит на крышах домов что-то блестящее, отражающее свет.

Нацистские солдаты с начищенными винтовками смотрят на них сверху вниз.

Бланш начинает дрожать.

До сих пор они не встретили ни одного нацистского солдата. Немцы так и не дошли до Нима, куда в начале «сидячей войны» направили гарнизон Клода. В поезде, идущем в Париж, все боялись, что их обстреляют бомбардировщики; так было со многими беженцами. Каждая запланированная и незапланированная остановка заставляла разговоры стихать; люди задерживали дыхание, боясь услышать немецкие слова, немецкие шаги, немецкие выстрелы. Но за все это время Аузелло так и не встретили ни одного нациста.

Это случилось сейчас, когда они вернулись домой. Это правда случилось, черт возьми! Нацисты действительно захватили Париж.

Бланш делает глубокий вдох — у нее болят ребра и сводит живот; она не может вспомнить, когда ела в последний раз, — и идет дальше в своих поношенных туфлях. Наконец перед ними открывается огромная Вандомская площадь; здесь тоже нет горожан. Но есть солдаты.

Бланш ахает, Клод тоже. На площади, окружив статую Наполеона, стоят нацистские танки. Громадный флаг со скрученной черной свастики висит над несколькими дверными проемами — в том числе над входом в отель «Ритц». Любимый «Ритц» ее мужа. И ее тоже. Их «Ритц».

Наверху лестницы, ведущей к парадным дверям, стоят два нацистских солдата. С оружием.

Раздается грохот. Мальчишки побросали чемоданы и улепетывают, как зайцы. Клод смотрит им вслед.

— Пожалуй, нам лучше пойти домой, — говорит он, снова доставая грязный носовой платок. Впервые за сегодняшний день и впервые с тех пор, как они с Бланш познакомились, ее муж выглядит неуверенным. Именно в этот момент она понимает, что все изменилось.

— Чепуха, — отвечает Бланш, чувствуя, как вскипает кровь — чужая кровь, кровь отважной женщины, которой нечего скрывать от нацистов. Удивляя не только Клода, но и саму себя, она собирает чемоданы и направляется прямо к солдатам.

— Мы войдем через парадную дверь, Клод Аузелло. Потому что ты директор отеля «Ритц».

Клод начинает слабо протестовать, но замолкает, когда они приближаются к часовым. Те делают несколько шагов в их сторону, но, слава богу, не поднимают оружия.

— Это господин Клод Аузелло, директор «Ритца», — заявляет Бланш на безупречном немецком языке, с уверенностью, которая, очевидно, поражает ее мужа. По словам Клода, его жена американского происхождения говорит по-французски с самым ужасным акцентом, какой он когда-либо слышал. Поэтому такой чистый немецкий становится для него потрясением.

Впрочем, Аузелло удивляли друг друга с момента первой встречи.

— Я фрау Аузелло. Мы хотим немедленно поговорить с офицером. Позовите его! Быстро!

Солдаты смотрят испуганно; один из них убегает в гостиницу.

— Боже мой, Бланш, — шепчет Клод, и по тому, как крепко он сжимает ручки чемоданов, Бланш понимает, что муж изо всех сил старается не перекреститься на этот ужасный французский католический манер.

Несмотря на дрожь в руках и ногах, Бланш держится прямо, даже властно. Когда появляется офицер, невысокий человек с красным лицом, она уже точно знает, что собирается сказать.

Ведь она Бланш Аузелло. Американка. Парижанка. С этого дня в ее прошлом, настоящем и будущем появится много вещей, которые нужно скрывать. Впрочем,

она и раньше многое скрывала. Все эти двадцать лет. Так что она в этом преуспела — в обмане. Как, надо признать, и ее муж.

Возможно, это связывает их еще крепче.

— Герр Аузелло! Фрау Аузелло! Очень приятно познакомиться. — Вывалившись из дверей, командир приветствует их одновременно слащавым и гортанным на немецкий манер голосом; его французский безупречен. Он кланяется Клоду и тянется поцеловать руку Бланш. Она вовремя убирает руку за спину и еще раз вздрагивает.

— Добро пожаловать обратно в «Ритц»! Мы так много слышали о вас! Руководство переехало, — нацист кивает в сторону улицы Камбон, которая проходит за зданием. — Мы, немцы, благодаря гостеприимству ваших сотрудников чувствуем себя на Вандомской площади как дома. Остальные гости живут на улице Камбон. Мы взяли на себя смелость забрать ваши личные вещи из офиса и перенести их в галерею над вестибюлем. Почти весь ваш персонал цел и невредим. Ожидает ваших инструкций.

— Прекрасно, прекрасно, — слышит Бланш свой ответ. Она реагирует так, как будто каждый день сталкивается с нацистским офицером, и не может не восхищаться своей игрой. Будь она проклята, если немецкое вторжение не сделает из нее актрису, которой она всегда мечтала стать. — Ничего иного я и не ждала. А теперь, может быть, вы прикажете своим людям отнести наши чемоданы?

Она поворачивается, чтобы ободряюще улыбнуться Клоду, который побледнел под загаром, приобретенным на юге Франции. Когда солдаты начинают собирать багаж, она замечает, что Клод крепко сжимает атташе-кейс. Костяшки пальцев на руке побелели от напряжения, мускулы на шее подергиваются. Бланш бросает

на него вопросительный взгляд, но лицо Клода остается спокойным и невозмутимым.

Вслед за двумя солдатами они пересекают площадь и сворачивают налево на узкую, но шикарную улицу Камбон. И снова она чувствует, что за ней наблюдают. Бланш тянется к мужу и берет его за руку; Клод крепко сжимает ее ладонь. Связанные таким образом, они не дрогнут. В этом она уверена; это единственное, в чем она уверена в этот невероятный миг, когда все не так, как должно быть. Когда нацистские солдаты сопровождают чету Аузелло к заднему входу в отель «Ритц». Они следуют за ними в крошечный вестибюль, который мгновенно заполняется знакомыми лицами, испуганными и бледными, но расплывающимися в улыбках облегчения при виде Аузелло. Бланш тоже улыбается и кивает всем, но не останавливается поболтать. Она чувствует, что мужу сейчас не до эмоций по поводу возвращения домой, не до радости от встречи с сотрудниками, которых он покинул почти год назад и которых считал своей семьей, своими детьми. Обычно муж сразу бросал ее, чтобы поприветствовать их, открыть бутылку портвейна в своем кабинете и выслушать многочисленные истории: уволилась молодая цветочница — она вышла замуж за своего любовника; появился новый поставщик масла, потому что старый умер, а его дети продали бизнес.

Но Клод знает, что сегодня ему будут рассказывать совсем другие истории. О сотрудниках, исчезающих в хаосе оккупации; о молодых коридорных, гибнущих в бою; о том, что симпатичный молодой флорист по фамилии Шабат не женился и отчаянно пытается получить английскую визу. А еще о том, что нацисты собираются сделать с его отелем. Да, муж Бланш считает «Ритц» своим, хотя его настоящие владельцы — семья Сезара Ритца. Он высокомерен в этом смысле,

ее Клод. Если быть честной с самой собой — а Бланш позволяет себе такое хотя бы раз в день, — это одно из тех качеств, которыми она восхищается в муже больше всего.

Клод очень спешит в свою комнату. Бланш почти бежит, чтобы не отстать от него и от солдат в черных сапогах со стальными носами, которые впечатываются в плюшевые ковры. Бланш беспокоится — она и сейчас остается женой директора «Ритца»! — что ковры не выдержат такого обращения. Эти ковры привыкли к прикосновению изящных кожаных каблучков... И снова она вспоминает о своих грязных туфлях. Впервые за очень долгое время мадам Аузелло чувствует, что не соответствует окружающей обстановке.

За годы, проведенные в «Ритце», она привыкла наряжаться. В этом месте есть что-то, что заставляет надеть лучшее платье и самые красивые драгоценности, выпрямить спину, говорить тише, в последний раз взглянуть на свое отражение перед тем, как выйти в мраморные залы, в которых каждая поверхность отполирована и сияет. Те, кто обеспечивает это вечное сияние, при виде гостя отступают в укромные углы. В итоге отель кажется волшебным замком, за которым с любовью ухаживают духи, выходящие только по ночам.

Но сейчас Бланш замечает нацистский флаг на огромных кадках с пальмами. Кожей ощущает гробовую тишину в роскошных залах и гостиных. Догадывается, что к каждой натертой до блеска двери прижато ухо донощика. И снова забывает о туфлях.

Аузелло провожают в их старый люкс в крыле отеля, которое выходит на улицу Камбон. Чемоданы аккуратно сложены, но будь проклята Бланш, если она даст чаевые нацисту! Она просто кивает, и солдаты уходят. Супруги отворачиваются друг от друга, словно не могут поверить, что час возвращения домой —

каким бы кошмарным он ни был! — все же настал. И вот они вдвоем, как туристы, бродят по комнатам. Бланш с удивлением замечает, что все покрыто слоем пыли — раньше такое было невозможно представить. На позолоченных обоях появились трещины — наверное, до оккупации этот район бомбили. В воздухе повисла тишина, как будто маленький номер — по меркам Ритца, во всяком случае, — затаил дыхание до их возвращения. Она открывает окно; внизу нацистские солдаты разговаривают и смеются, как школьники на каникулах.

— Почему ты вел себя, как нашкодивший ребенок? — Бланш вздрагивает, отходит от окна и наконец поворачивается к Клоду, который все еще сжимает ручку кейса.

— У меня с собой... — Он начинает нервно смеяться, его аккуратные усики дрожат, а глаза навывкате часто моргают. — Ах, Бланшетт, глупая ты женщина! У меня здесь документы. — Он барабанит по корпусу атташе-кейса. — Нелегальные. Бланки проездных и демобилизационных документов. Я украл их из гарнизона, чтобы использовать здесь, в Париже, для... для тех, кому они могут понадобиться. Меня могли бросить в тюрьму, если бы нацисты обнаружили их.

— Боже мой, Клод! — Теперь настала ее очередь побледнеть; она опускается в кресло, представляя, что могло случиться. — О, Клод! Ты должен был сказать мне, когда мы уезжали из Нима.

— Нет. — Клод качает головой, теребя воротник рубашки. — Нет, Бланш. Есть вещи, о которых тебе не следует знать. Для твоего же блага.

И он снова становится собой, муж Бланш, ее раздражающе французский муж со своими строгими принципами и идеальным произношением. Они женаты уже семнадцать лет, а он все еще пытается сделать из непокорной американки послушную жену-француженку.